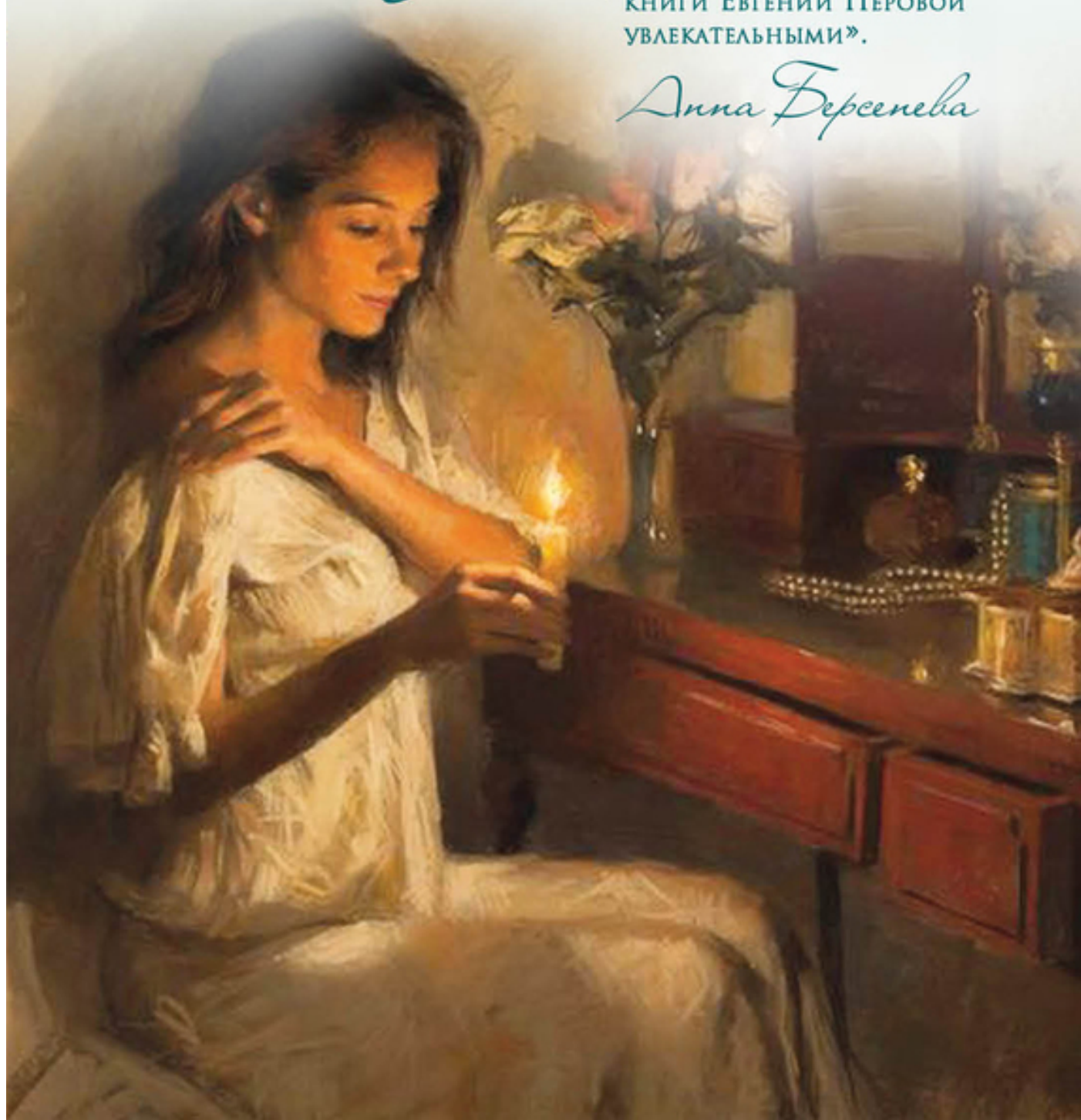

ЕВГЕНИЯ ПЕРОВА

*Мелкие
взды*

«ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ
И ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ
ВАЖНЫ ДЛЯ МЕНЯ В
ЖИЗНИ И В ЛИТЕРАТУРЕ.
СОЕДИНЕНИЕ ЭТИХ КАЧЕСТВ
С ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫМ
ТАЛАНТОМ И ДЕЛАЕТ
КНИГИ ЕВГЕНИИ ПЕРОВОЙ
УВЛЕКАТЕЛЬНЫМИ».

Анна Берсенева

Круги по воде

Евгения Перова

Темные воды

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Перова Е. Г.

Темные воды / Е. Г. Перова — «Эксмо», 2017 — (Круги по воде)

ISBN 978-5-04-089939-5

Темные воды прошлого скрывают множество тайн. Одна из них обусловила сложные взаимоотношения Сергея с родителями Виты. Не только колоссальная разница в возрасте мешала влюбленным быть вместе, другая, более серьезная причина разделила их на многие годы с самыми близкими для них людьми. Предательство, вероломство, отвергнутая любовь – все это пришлось пережить героям. Об этом четвертая книга цикла «Круги по воде», которая стоит особняком от трех предыдущих романов Евгении Перовой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089939-5

© Перова Е. Г., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Часть 1. Возвращение	9
Часть 2. Никто пути пройденного у нас не отберет	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Темные воды Евгения Перова

© Перова Е., текст, 2017

© Redondo V. R., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*И мне снилось, как меня любили,
И ни в чем мне не было отказа,
Гребнем золотым чесали косы,
На серебряных санках возили
И читали из таинственной книги
Слова, какие я забыла...*

Ольга Седакова

Пролог

Зима выдалась морозной, и отец Александр, собираясь к выходу, привычно накинул на голову большой пуховый платок, выданный ему супругой, уложил его концы на груди крест-на-крест и завязал на спине. Поверх платка он надел короткий полушубок, а на голову – старый треух. Батюшка был «в штатском» – по нынешним временам так оно спокойнее. Он только что совершил соборование умирающей, и сейчас ее внучка вынесла скромную лепту за труды – немного денег и большой пирог с капустой, завернутый в тряпицу. Батюшка с поклоном принял и упрятал пирог в котомку, где уже лежали, аккуратно скатанные, его церковные одежды. Выйдя на лестницу, он с трудом удержался, чтобы тут же не отломить от теплого еще пирога порядочный кусок, но укорил себя за чревоугодие и бодрой рысью побегал домой – дыхание вырывалось облачком серебристого пара, а борода с усами тут же заиндевели.

Внучка вернулась к умирающей бабке и присела рядом с кроватью, устало сложив руки. Могучий организм Агриппины Михайловны никак не желал поддаваться смерти, а ведь ей было без малого девяносто три года! Катенька вздохнула и покосилась на величественно лежащую старуху – даже из скорбного процесса умирания та ухитрилась устроить торжественное действо. Катенька всю жизнь слегка побаивалась Агриппину Михайловну, да и неудивительно: умная и острая на язык бабушка к тому же обладала тайным даром ясновидения и прорицания, который весьма осложнял жизнь семьи. Побоялась не она одна – собственный супруг Агриппины Михайловны иной раз в сердцах обзывал свою вторую половину «иродом Агриппой», правда удалившись на безопасное расстояние и шепотом, хотя, собственно, император Агриппа в отличие от своего деда Ирода Великого никакими особенными злодеяниями не прославился.

От большой некогда семьи ныне осталась одна Катенька – Екатерина Леонтьевна, урожденная Апраксина, по первому мужу Голутвина, а по второму – Смирнова, да ее дети – близнецы Оля и Сережа, которым совсем недавно исполнилось девять лет. Катенька принадлежала к самой захудалой ветви некогда могучего рода Апраксиных, уходившего своими корнями в глубь веков: один из Апраксиных был братом царицы Марфы, супруги царя Федора Алексеевича, другой – флигель-адъютантом Александра I. От бывшего величия не осталось ничего, кроме фамилии, да и та растворилась в революционном дыму: называться Смирновыми теперь было гораздо безопаснее. Муж Катеньки, Валентин Георгиевич Смирнов, в это время находился около Колонного зала в оцеплении как член народной дружины: несмотря на страшный мороз, народ уже третий день толпился в бесконечных очередях, чтобы проститься с великим вождем пролетариата.

Возвращающийся домой отец Александр торопливо прошел мимо хвоста очереди, но на углу его остановила согбенная старушка:

– Милай, за чем народ-то стоит?

– С Лениным проститься хотят.

– А он что, умер?!

– Да, скончался третьего дня.

Старушка охнула:

– Ильич наш умер! Как же мы теперь без него? Пойду, поплачу. Эх, такой человек и умирает, а нужен-то как...

Священник покачал головой, вздохнул и побегал дальше. Пока отец Александр разговаривал со старушкой, Валентин Смирнов сменился и пошел в служебное помещение, налил себе кипятка в кружку и, грея руки об ее жестяные бока, задумался примерно о том же: «Что же теперь будет?» Потом он обратился к домашним делам: «Как там бабка? Как Катенька?» При мысли о жене лицо Валентина сразу приобрело мягкое и даже нежное, обычно не свой-

ственное ему выражение: они были женаты уже шесть лет, но Валентин до сих пор не верил своему счастью. Как это случилось, что тонкая, изящная, возвышенная Катенька согласилась выйти замуж за такого невежу и простака, как он?!

На самом деле и Катенька не была такой уж возвышенной, и Валентин – простым и невежественным. Образования у него действительно было маловато, но все искупалось острым и цепким умом и сдержанной, но мощной внутренней силой, позволившей ему выжить во всех перипетиях революции и гражданской войны. Сейчас он работал на заводе АМО, которому год назад присвоили гордое имя лидера итальянских коммунистов Ферреро. Валентин с юных лет обожал всякие технические штуки и даже сам собрал мотоцикл, на котором порой катал по двору близнецов: детей Катеньки он сразу усыновил, дав им свое отчество.

Хотя Катенька действительно была женщиной изящной и тонкой, но практичности ей было не занимать. Первый раз она вышла замуж семнадцати лет от роду – ее горячо любимый Сашенька Голутвин погиб в первый год войны, даже не успев получить известие о беременности жены. Катя узнала о его гибели только в 1917 году от заехавшего к ней солдата, лежавшего вместе с Сашенькой в лазарете. Этим солдатом и был Валентин Смирнов. Несмотря на то, что революционное время не слишком способствовало любовным устремлениям, он целый год обхаживал поразившую его в самое сердце Катеньку и наконец добился своего. Конечно, обхаживал не буквально целый год: за это время они и виделись-то всего раз пять, а на шестой Катенька приняла его предложение.

Катя обладала совершенно замечательным свойством, которое есть у всех щенков или котят: умение приспособиться к обстоятельствам и людям. Особенно к тем, которые тебя поддерживают и опекают. Конечно, рядом с Валентином выживать гораздо легче! И человек он хороший – верный, надежный. Впрочем, Катенька не особенно задумывалась обо всем этом, а просто жила как живет: не оглядывалась на прошлое, не задумывалась о будущем – будет день, будет и пища. Там, где другая принялась бы рыдать и заламывать руки, Катенька просто принималась за первое же насущное дело. Она ощущала происходящее как неизбежность и каждый день благодарила Бога за все, что он в своей великой милости ей дает, даже за испытания и потери. Значит, так надо. Теперь ей предстояло пережить очередную потерю, и Катенька невольно обдумывала предстоящие хлопоты: «Нужен гроб... Об отпевании с отцом Александром уже договорилась... Да, еще ж поминки придется устроить! Хотя бы соседей позвать... Место на кладбище есть, но как же яму-то копать в такой мороз? Земля окаменела! Наверняка могильщики запросят втридорога...» Вдруг Агриппина Михайловна зашевелилась и, с трудом повернув голову, прохрипела:

- Катя, ты здесь?
- Здесь я, бабушка, рядом. Водички дать?
- Детей... позови... Проститься... надо...

Катенька вышла и привела близнецов, которые испуганно смотрели на старуху и не хотели приближаться.

- Подойдите, ну что же вы! – шепотом велела им мать и подтолкнула к кровати.

Взявшись за руки, дети подошли поближе. Катя поправила бабке подушки, чтобы та смогла приподняться. Некоторое время Агриппина Михайловна молча рассматривала детей. Катя тоже их оглядела, нежно улыбнувшись: «Горошинки мои! Одинаковые, как из одного стручка!» Дети действительно были очень похожи: рослые, белокурые, с яркими голубыми глазами. Близнецы явно пошли в отца – Александра Голутвина. Сама Катенька была темноволосая и сероглазая, очень хорошенькая и юная с виду, несмотря на то что уже приближалась к тридцати годам.

Вдруг старуха протянула руку и ухватила за плечо Олю, которая стояла к ней ближе. Девочка вздрогнула и попыталась вырваться, но бабка держала неожиданно крепко.

- Не противься... Так надо... – просипела она и закрыла глаза.

Катя обняла прижавшихся друг к другу детей за плечи и внезапно ощутила, как сквозь нее прошла теплая волна, похоже, что дети почувствовали это еще сильнее, потому что задрожали и вскрикнули. Но все тут же и закончилось, старуха отпустила Олю и откинулась на подушку. Она была без сознания, но еще дышала. Близнецы, так и держась за руки, изумленно смотрели на мать. Они как-то изменились, хотя в чем состояло это изменение, Катя не смогла бы определить. Казалось, в детях еще прибавилось яркости: щеки горели, глаза просто сияли... Катенька даже оглянулась на окно, за которым по-прежнему не было ничего, кроме белесой морозной мглы, а ей было показалось, что на детей упал луч солнца!

– Что случилось, дети? – спросила Катя. – Что вы почувствовали?

– О-о! – воскликнула Оля. – Это чудо! Да, братец?

Сережа, выглядевший гораздо более потрясенным, только кивнул.

– Да что такое?!

– Mamочка, ты не поймешь!

И близнецы, переглянувшись, убежали, а Катя вдруг поняла, что случилось: бабка, умирая, одарила правнуков своей силой! Это тайное семейное умение чаще передавалось через поколение, но Катенька, на которую бабка возлагала большие надежды, оказалась совершенно бездарной. Близнецы проявили себя еще в младенчестве, так что теперь, после случившегося, следовало ожидать от них чего-то и вовсе не обыкновенного. И Катя сказала себе, что непременно надо объяснить детям, насколько важно держать этот дар втайне. Но близнецы и без ее наставлений прекрасно это понимали, потому что давно знали: они не такие, как все. Бабушка Агриппина, пока еще была в силах, потихоньку объясняла детям, что к чему, и к девяти годам Оля уже хорошо гадала и на кофейной гуще, и на картах, и на деревянном волчке – это она придумала сама. Сережа был послабее, но сейчас, когда к их собственной силе прибавилась бабушкина, стал чувствовать себя гораздо увереннее.

Брат с сестрой были очень близки, настолько хорошо чувствуя друг друга, что могли общаться, даже не прибегая к словам – взгляда бывало достаточно. Они словно жили в своем собственном мире, признавая окружающих в той степени, в какой они могли быть им полезны. Впрочем, мать они любили совершенно искренне и бескорыстно, правда, относились к ней скорее как к младшей сестре или подруге. Перед простодушными взрослыми близнецы привычно и снисходительно принимали невинный детский вид, хотя были проницательнее большинства из них: вопреки пословице, ни одна чужая душа никогда не скрывалась от них в потемках. Вот и сейчас они первые почувствовали смерть бабки, словно она еще раз коснулась их своей холодной рукой. Близнецы просунулись в щелку приоткрытой двери – мать, задумавшись, рассеянно глядела в пространство.

– Mamочка, – тихо сказала Оля. – Посмотри на бабушку. Мне кажется, она не дышит.

Катя посмотрела, потом пощупала пульс – ничего. Да, скончалась Агриппина Михайловна, царствие ей небесное! И Катенька, вздохнув, перекрестилась на висевшую в красном углу икону Спаса Нерукотворного:

– Помяни, Господи Боже наш, в вере и надежде живота вечного преставившуюся рабу Твою Агриппину, яко Благ и Человеколюбец, и прости все вольные ее согрешения и невольные...

Часть 1. Возвращение

Поезд наконец остановился. Сергей Валентинович Смирнов, сорока трех лет отроду, бывший заключенный, а ныне подчистую реабилитированный, последним вышел из вагона. Вышел, постоял и медленно побрел по перрону Казанского вокзала. Все вокруг казалось ему нереальным: и сам перрон, и спешащие к выходу пассажиры поезда, отягощенные тюками и чемоданами, и многоярусное, увенчанное островерхой башенкой здание вокзала, и блеклое московское небо. Сергей не рассчитывал, что его будут встречать, поэтому не сразу заметил, что навстречу бежит женщина в легком пальто, она быстро перебирала стройными ногами, звонко стуча по асфальту высокими каблучками, а рукой придерживала кокетливую шляпку с вуалькой:

– Сережа! – задыхаясь, воскликнула женщина, и Сергей замер. – Сереженька!

Только сейчас, увидев сестру, он окончательно поверил: «Всё. Я дома. Наконец дома!» Ноги подкосились, и Сергей рухнул на колени. Ольга бросилась к нему и крепко обняла:

– Сереженька, милый мой! Господи, а худой какой! И поседел совсем! Ничего, ничего, теперь все будет хорошо! Братец мой дорогой!

Ольга, всхлипывая, целовала его небритые щеки и потрескавшиеся губы, а он только беспомощно улыбался. Потом Ольга вгляделась в его глаза. Сергей усмехнулся:

– Ну, что ты там видишь?

Ольга видела многое, но только покачала головой:

– Цел, и слава богу! Вставай, поедem домой.

Они поднялись и еще поглядели друг на друга. Ольга достала платок и стала вытирать с лица брата следы своей помады:

– Ну вот, а то ты как клоун.

– А ты совсем не изменилась! – сказал Сергей, перехватил ее руку и поцеловал.

– Да что мне сделается! – усмехнулась Ольга, но вдруг лицо ее скривилось, и она, не сдержавшись, заплакала навзрыд. Брат, вздохнув, обнял ее.

– Перестань, не надо. Ты ни в чем не виновата, и стыдиться тебе нечего. Так карта легла, и все. А могло наоборот получиться: я здесь, а ты там.

– Я бы там не выжила.

– Не плачь, Горошинка, не плачь. Смотри-ка, что у меня есть. Сейчас, где же...

Ольга достала зеркальце, вытерла слезы все тем же платочком и заново накрасила губы. Горошинка! Давно она не слышала этого детского прозвища. Они с братом и правда были одинаковые – как две горошинки из одного стручка, как две капли воды. Были когда-то. Сейчас почти ничего не осталось от давнего сходства двух близнецов, лопнул стручок и раскатились горошинки. Очень далеко раскатились друг от друга.

Да, рассыпался горох на тридевять дорог...

Сергей порылся в карманах и достал что-то маленькое и круглое:

– Вот, это тебе.

Ольга ахнула:

– Волчок!

Это был маленький деревянный волчок, гладко отшлифованный.

– Где ж ты взял? Неужели сам сделал?!

– Нет, не сам. Попросил одного мастера. Он вытачивал для детишек, вот и мне сделал. Помнишь, у тебя был такой? Только расписной. Ты еще как-то гадала по нему.

Они снова взглянули друг на друга, чувствуя одно и то же: радость от встречи, сострадание, нежность...

– Как там мама? – спросил Сергей, отряхивая полы Ольгиного пальто. – Ну вот, у тебя чулки на коленках порвались!

– Мама ждет не дождется! Да ладно, наплевать на чулки! Идем!

Они, не торопясь, побрели к вокзалу, потом к ждавшей Ольгу машине. Прохожие оглядывались на странную пару: хорошенькая женщина в модном пальто и шляпке, а с ней мужчина в мятом пиджаке и поношенных брюках-галифе, заправленных в сапоги, небритый и худой. В такси они почти не разговаривали, только держались за руки. Сначала Сергей с любопытством смотрел в окно: «Как изменилась Москва!» И неудивительно, столько лет прошло... Потом закрыл глаза, сил почти не было, и он мечтал только об одном: добраться наконец до дома, помыться, поесть и завалиться спать. Надолго.

А Ольга потихоньку рассматривала его и ужасалась: «Боже...» Разве это ее брат?! Ничего не осталось от прежнего красавца, ослеплявшего белозубой улыбкой и сиянием ярко-голубых глаз! И глаза выцвели, и зубов почти не осталось, а старое прозвище – Седой – теперь простая констатация факта. Бедный! Бедный Сережа! Ольга видела, что он изменился и внутренне, но надеялась, что брат отдохнет, окрепнет и выправится, пусть даже не станет совсем таким, как прежде. Но хотя бы взгляд изменится, а то страшно смотреть...

Бреясь перед небольшим зеркалом в ванной, Сергей тоже избегал смотреть себе в глаза, потому что знал, что там: черная тоска и чудовищная усталость. Не глаза, а... прорехи! «Прореха на человечестве», – вспомнил Сергей гоголевского Плюшкина и усмехнулся. Он с наслаждением влез в горячую воду: «Надо же, какие чудеса!» Колонка, которую включила мама, показалась ему верхом технического прогресса. И мыло было необыкновенное. Сергей долго принюхивался, не узнавая аромат, потом вспомнил: жасмин! И полотенца мягкие и пушистые, и пижама, в которую он облачился, выбравшись из ванны, была шикарная, клетчатая, правда, не новая, коротковатая и слишком широкая. «Наверное, Ольгиного мужа», – догадался он.

Стол мама накрыла на кухне. Сергей посмотрел, на секунду прикрыл глаза и сглотнул. Он сел, мать с сестрой захопотали вокруг него: возникла на столе глубокая тарелка с огненным борщом, щедро приправленным сметаной, а в стопке засверкала хрустальным блеском водка. Он резко выдохнул: «Ну, со свиданьем!» – и залпом опрокинул стопку. Сестра тут же подала ему кусок белого хлеба с толстым слоем сливочного масла и двумя большими ломтями селедки, отливавшей перламутром, – все как он любил! Сергей откусил, потом еще, потом принялся за борщ, слезы текли у него по щекам, а он не замечал. В какой-то момент он вдруг замер, зажмурившись от переполнявших его чувств, и никак не мог снова открыть глаза, боялся, что это все сон и очнется он на нарах. Ольга почувствовала его смятение и взяла за руку, он вздохнул и снова принялся за еду. Сестра и мать смотрели на Сергея с жалостью и обожанием. Екатерина Леонтьевна, увидев сына, ужаснулась так же, как и Ольга: «Боже, бедный мой мальчик!» – но старалась не подавать виду. Сергей доел борщ и вдруг сказал:

– Залом!

– Что ты говоришь? – нахмурилась мама.

– Залом! Я все вспомнить не мог, как селедка называется. Вот вспомнил – залом.

Екатерина Леонтьевна, не сдержавшись, всхлипнула и закрыла лицо руками. Сергей встал и обнял ее трясущиеся плечи:

– Ничего, мама, ничего. Как-нибудь.

Они долго просидели за столом. Сергей все больше слушал рассказы своих женщин, а сам говорил мало. На их осторожные расспросы он не поддавался: не сейчас. Наконец жалобно попросил:

– Можно я посплю?

Женщины опять засуетились вокруг него. Проваливаясь в сон, Сергей сказал Ольге:

– Предупреди маму. Я долго буду спать. Ну, ты знаешь...

Он спал почти две недели. Отрубался на шесть-семь часов, потом просыпался, брел, пошатываясь, в туалет или что-то ел, не приходя в сознание, и опять засыпал. Сон путался у него с явью: то ему казалось, что он все еще в бараке или в поезде; то представлялось, что он маленький и болеет, а мама целует его в лоб, пробуя температуру, мама действительно приходила и целовала. Приходила и Ольга – ее Сергей чувствовал очень хорошо даже во сне: она садилась рядом, клала ему на лоб мягкую душистую ладонь (жасмин!), от которой по всему телу медленно расходилась теплая волна. Ольга вливала в него жизненную силу. Сергей с усилием открывал глаза и бормотал:

– Не надо... Зачем... Я сам справлюсь...

– Спи, дорогой, – отвечала сестра. – Не волнуйся, у меня на двоих хватит. Ты же мне помог. Теперь я тебе помогу. Спи, Горошинка.

Помог, да. Если бы не Сережа, она бы не выжила. Ольга это знала точно. Она вернулась из больницы, потеряв ребенка, – бледная, потухшая, полумертвая от кровопотери. Пустая, как разбитая склянка, из которой вытекла жизнь: врачи сказали, что больше ей не удастся забеременеть. Сергей тогда бросил все свои дела и неделю провел с ней: обнимал, укачивал, утешал, заставлял есть. Делился своей силой. Даже спал рядом на полу, и, проснувшись посреди ночи, Ольга опускала руку вниз и дотрагивалась до его плеча: все в порядке, она не одна! Сережа здесь.

– Зачем? – спрашивала она. – Зачем мне жить?

– А зачем все живут, Горошинка? – отвечал брат, нежно глядя ее по голове. – Просто чтобы жить. Хотя бы из любопытства. Нам всего двадцать! Кто знает, что ждет впереди? Какие неожиданные радости?

– Радости... А если горести?

– А мы им не поддадимся! Мы будем скользить.

– Как скользить?

– По поверхности. Как жуки-водомерки.

Все-таки ему удалось ее рассмешить. Скользить... Да, это была Сережина философия. Скользить по жизни – легко, беззаботно, наслаждаться моментом, избегать неприятностей, которые он чуял издалека. Не тратить зря жизненную силу. Словно он предвидел время, когда эта сила понадобится ему во всем объеме.

Наконец Сергей проснулся окончательно. Сел на кровати, потер лицо руками, потянулся. Чувствовал он себя неплохо. Прислушался – в квартире было тихо. Похоже, мамы нет. Сергей походил по комнате, рассматривая забытую обстановку, нежно погладил книги по корешкам, заглянул в гардероб, выдвинул пару ящиков комода, потрогал хрустальную пепельницу, в которой лежали его старые часы и большая черная пуговица от маминого пальто, потом взял в руки фотографию, стоявшую на комоде. На фото были они с Ольгой – молодые, хохочущие, немыслимо красивые и невероятно похожие друг на друга. Сергей тяжело вздохнул и отправился умываться, потом прошел на кухню, поставил чайник и открыл дверь белого шкафа, стоявшего у окна. Оттуда пахнуло холодом.

– Это холодильник. Вы, наверное, не видели раньше. Ольга Валентиновна нам купила. Очень удобно, ничего не портится.

Сергей оглянулся – в дверях стояла тоненькая девушка в черной юбке и белой блузочке. Темные волосы зачесаны назад и скручены, как он потом увидел, в старомодный пучок.

– Здравствуйте, Сергей Валентинович.

– Здравствуйте! А вы кто?

– Я Лиза. Вас покормить?

– Да, пожалуйста! А где мама?

– Тетя Катя на рынок пошла. Просила меня за вами поухаживать, если встанете. Ольга Валентиновна сказала, что вы сегодня должны подняться. Она звонила недавно, скоро подьедет.

Девушка говорила спокойным тихим голосом и неторопливо готовила омлет, время от времени поглядывая на Сергея и улыбаясь. Он заворуженно смотрел, как она разбивает яйца, взбивает их венчиком, подливает молока...

– Простите, я так и не понял, кто вы.

– Лиза Беседина, ваша троюродная сестра. Или четвероюродная? Мы в Ленинграде жили до войны. Я-то этого не помню, конечно, в тридцать восьмом году родилась. Бабушка меня, трехлетнюю, в Крым повезла, здоровье поправить, как она говорила. А тут война началась. Мы стали обратно пробиваться. До Ленинграда так и не доехали, только до Москвы. Екатерина Леонтьевна нас пригрела, и в эвакуацию мы с ней отправились. Папа в сорок втором погиб, а мама... Мама блокаду не пережила. Бабушка три года назад умерла. А я тут прижилась.

Лиза подала Сергею тарелку с совершенно необыкновенным омлетом – она как-то ловко сложила его пополам, так что внутри под нежной золотистой корочкой оказался полужидкий желток. Потом поставила на стол кружку, из которой поднимался ароматный пар:

– Еште на здоровье!

– А это что?

– Какао. Я немножко корицы добавила, для аромата.

– Как в детстве... Очень вкусно. Спасибо!

Лиза присела напротив и смотрела, как он ест, обжигаясь от нетерпения. Сергей смущенно улыбнулся.

– У вас усы! – сказала Лиза, рассмеявшись. – От какао.

Он вытер рот салфеткой, подумав, что надо бы и правда усы отпустить – беззубый рот прикрыть.

– Лиза, а вы чем занимаетесь?

– Учусь. В педагогическом. Географию буду преподавать.

– А сегодня что ж? Прогуливаете? Или воскресенье?

– Сегодня среда. Так что прогуливаю.

– Нехорошо.

– Нехорошо, – согласилась Лиза.

«В тридцать восьмом родилась... Значит, ей двадцать», – думал Сергей. Надо же, только что он вспоминал свои двадцать лет, разглядывая фотографию. «А что я делал в тридцать восьмом? Как раз был в Ленинграде! Точно!»

Он нахмурился:

– Как вашего отца звали, вы сказали?

– Да я и не говорила. Петр Прохорович Беседин, а мама – Надежда Львовна.

– Петя! Петя Беседин! Господи! Так вы же Лиза!

– Ну да. Я вам сразу так и сказала.

– Так значит, Петя погиб... И Наденька... Лиза, я же вас помню! Я вас на руках держал. Я как раз тогда жил у вас. Года полтора, наверно, прожил...

– Правда?! Значит, вы знали маму и папу?! Расскажите, какие они были?

Сергей вспомнил тот безумный день, когда Петя ввалился домой и завопил, как сумасшедший: «Дочь! У меня дочь родилась! Ты представляешь, Седой?! Наденька девочку родила! Пятьдесят два сантиметра, два кило семьсот!» И они радостно напились, а на следующий день помчались к роддому, куда их, конечно же, не пустили. Они два часа орали под окнами, пока в окне не показалась бледненькая, но счастливая Надя. Когда Сергей последний раз видел Лизу, она пыталась ходить, делала пару шагов, потом толстенький задок перевешивал, и она шлепалась на пол, изумленно тараща глаза, но не плакала, а быстро переворачивалась и ползла на

четвереньках. И вот теперь Лиза сидела перед Сергеем как живое олицетворение прошедшего времени: двадцать лет минуло. Двадцать лет, семнадцать из которых он провел на войне, в лагерях и на поселении! За это время крошечный младенец вырос и превратился во взрослую симпатичную девушку.

– Сергей Валентинович, вам плохо? – Голосок Лизы звучал встревоженно.

Сергея действительно замутило, так чудовищно жалко стало себя, свою нелепую, бездарно прожитую жизнь. «Что это я?! – Сергей попытался встряхнуться. – Почему прожитую?! Мне же всего сорок три! Впереди еще как минимум лет двадцать, а то и тридцать для того, чтобы наверстать упущенное». Но сколько он себя не уговаривал, странное чувство обреченности не проходило. Он не умел заглядывать в будущее, у Ольги это получалось лучше. Да, честно говоря, и не пытался, всегда стараясь жить сегодняшним днем. А там, откуда он вернулся, счет шел не на дни, а на часы да минуты. Все хорошо, он выжил, выбрался. Он дома. Но почему вдруг стало так страшно? Словно открылась дверь грядущего и оттуда потянуло стужей, как из этого холодильного шкафа. Могильной стужей.

– Ничего, Лиза, – сказал он, улыбнувшись: – Ничего. Все в порядке.

И тут явилась Ольга. Сергей с удовольствием разглядывал сестру: яркая блондинка с живым и свежим лицом, умело подкрашенная, дорого и модно одетая, уверенная в себе – в общем, роскошная женщина. Она тут же засуетилась: расцеловала брата с Лизой, выложила на стол кучу всякой снеди и наконец уселась сама – все это не умолкая ни на минуту:

– Ну, как вы тут, дети мои? Смотрю, ты слегка оклемался, да? Ой, я тоже хочу какао! Лиза, котик, там еще осталось? Налей мне, пожалуйста. И открой вон ту баночку. Масло есть? Сереж, будешь? Давай, тебе надо.

Ольга ловко отрезала несколько ломтей от батона, намазала маслом и щедро навалила сверху черной икры из открытой баночки, которая тут же опустела:

– На, ешь. Лиза, возьми. А это мне.

Она впилась ровными белыми зубами в бутерброд, потом отпила какао.

– Ммм, вкусно!

Сергей с улыбкой смотрел на сестру: «Горошинка! Совсем не изменилась. Чуть располнела, но ни капли не постарела. Нервничает, конечно. Переживает. От этого и болтает столько, и су-етится». Ольга допила какао, подкрасила губы и сказала:

– И что ты сидишь? Давай-давай, собирайся, и мы побежим. У меня на тебя большие планы.

– Какие еще планы?

– Разные. Во-первых, хочу показать тебя врачам. Для начала терапевт посмотрит, и к зубному заедем...

– К зубному!

– А что, ты хочешь вот так, как старик, шамкать?! Не бойся, у меня хороший протезист есть. Еще надо приодеть тебя. К Эрлиху заглянем, пусть мерки снимет. Мой Тарасевич только у него костюмы и шьет. А потом в ресторан, да? В «Метрополь» или «Арагви»? Или в ВТО?

– Оль, уймись. Какой Эрлих, какой ресторан? У меня сил на все это нет.

– Не выдумывай. Я на машине, так что ничего с тобой не случится. Ты едешь себе, в окошко смотришь, а я тебя везу. Давай, не сиди зря! Время идет.

И они поехали. Успели и к терапевту, который выдал кучу направлений на разные анализы, и к протезисту – тот велел сначала подлечить десны и оставшиеся зубы. Портной снял мерки, а по дороге в ресторан Ольга завезла Сергея в ГУМ, где в какой-то закрытой секции мгновенно подобрала ему костюм и ботинки, заставив тут же переодеться.

– Ну вот, – сказала она, завязывая брату галстук. – Теперь хоть на человека похож.

И быстро поцеловала, чуть не задохнувшись от мгновенного приступа мучительной жалости к Сереже, так не похожего на себя прежнего. Ольге все время хотелось встряхнуть

брата, растормошить, но она понимала: рано. Рано. Она видела его душевный надлом и надеялась, что со временем зарастет. Время все лечит! Уже сейчас Сергей выглядел гораздо лучше, чем в первый день, – отъелся и отоспался за две недели. И костюм сидел прекрасно, а зубы – дело наживное. Сделаем, и будет улыбка не хуже прежней! Ничего, как-нибудь.

Но тревога не проходила. Сергей безучастно смотрел на себя в зеркало, равнодушно соглашался с сестрой и покорно следовал за ней, куда бы ни тащила. «Он даже на женщин не смотрит! – расстраивалась Ольга. – А ведь раньше ни одну хорошенькую не пропустил бы». Сама она, только войдя в зал ресторана «Арагви», тут же отметила всех интересных мужчин, а кое-кому и улыбнулась. Сергей со вздохом облегчения уселся за столик, предоставив сестре распоряжаться. Утолив первый голод, Сергей сказал, глядя на Ольгу, которая медленно потягивала из бокала десятилетнее «Саперави»:

– Ну, расскажи, как ты живешь.

– Я прекрасно живу. Ты ж меня знаешь, я умею устроиться.

– Работаешь-то где?

– А нигде. Числюсь актрисой. Снялась в паре фильмов – в эпизодах. А так я мужняя жена. Светская дама, в общем!

– А муж кто?

– Миша Тарасевич, журналист-международник. Я вас познакомлю.

– А прежний куда делся? Как его?.. Короткевич? Что-то у тебя все мужья в рифму: Короткевич, Тарасевич!

– Я же не специально так! С Короткевичем мы развелись в сорок шестом. Он ужасно струсил, когда про тебя узнал. Пятьдесят восьмая статья, страшное дело. Так что отпустила его с миром. А Тарасевич потом возник, когда мы в Москву вернулись из Свердловска. Вот, почти десять лет уже вместе.

– И как?

– Да нормально. У нас, знаешь, такой брак... Как тебе сказать... Свободный.

– Что значит – свободный?

– То и значит. Мишук уезжает часто, понимаешь? И надолго. Я не спрашиваю, как он там время проводит, а он не интересуется, что я здесь без него делаю. Наверное, странно так сказать про мужа с женой, но мы с ним друзья. Все друг про друга понимаем. Он хороший мужик, правда. Сам увидишь. Только пить стал много. Особенно последние года два, после двадцатого съезда. Да еще Фадеев застрелился! Мишук хорошо его знал.

Ольга помрачнела.

– Ты его любишь? – спросил Сергей.

– Не знаю. Привыкла за эти годы.

Они помолчали, потом Ольга допила вино и быстро произнесла, не глядя на брата:

– А ты больше ни о ком не хочешь спросить?

– О ком?

– Ну, например, о Николае с Верочкой.

– А, однофамилец! И как они живут?

– Мы не очень с ними общаемся. Восемь лет назад они потеряли ребенка. Тяжелое воспаление легких. Шесть лет Грише было.

– Подожди... У них же девочка? Забыл, как зовут.

– С девочкой все в порядке.

Ольга смотрела на брата, не в силах продолжать, пусть сам догадается. И он наконец понял, сопоставив все даты: восемь лет назад, мальчику шесть лет... Вот оно что! Сергей откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Потом медленно произнес:

– Ты можешь себе представить? Я забыл. Напрочь. Как будто и не бывало!

– Да это неудивительно. Ты и себя-то забыл.

- Значит, Никола тогда вовсе не погиб... А Вера была так уверена!
- Хотела верить.

Больше они на эту тему не заговаривали, но ночью Сергей, маясь без сна, все думал и думал о том, что случилось в далеком сорок третьем году. Хотя началось все гораздо раньше. Верочка появилась в семье Смирновых, когда близнецам было лет восемь. Маленькую худенькую белобрысую девочку пригрела их сердобольная матушка, Екатерина Леонтьевна, душа которой не выдержала при виде неухоженного ребенка, болтающегося без присмотра во дворе. Верочка была сиротой и жила в семье тетки по матери, у которой своих отпрысков четверо. Мать Верочки, если и упоминалась ненароком в разговорах взрослых, иначе чем «шалавой» и «прошмандовкой» не называлась. Впрочем, разговорами это назвать было трудно, потому что говорила – а вернее, орала! – в основном тетка, а ее кроткий муж предпочитал помалкивать.

Екатерина Леонтьевна Верочку пригрела, накормила, отмыла и приодела, а близнецы приняли девочку как подружку, хотя она была на два года младше, а по развитию так и на все четыре, – вернее, не как подружку, а как домашнего питомца: подобранного из жалости уличного щенка или котенка. Они играли с ней, потихоньку обучали всему, что знали сами, но относились свысока и не то, чтобы издевались, но дразнили и артистически морочили доверчивой малышке голову, а порой даже доводили до слез. Но Верочка мгновенно забывала все обиды и снова таскалась за близнецами хвостиком, радовалась малейшему знаку внимания и заглядывалась на них с обожанием – почти с обожествлением. Особенно на Сережу, которого со временем это стало тяготить.

С возрастом Верочка превратилась в настоящую красавицу, но совершенно этого не осознавала. Сами близнецы, столь прекрасные и блестящие, вовсе не обладали классической правильностью черт и, объективно говоря, их трудно было признать по-настоящему красивыми, но все недостатки их внешности затмевались обаянием и невероятной, почти магической притягательностью для противоположного пола.

Сергей рано ступил на путь покорителя женских сердец, предпочитая женщин постарше и замужних, которые знают, на что идут. А с девушками слишком сложно, к тому же все они хотят замуж. Сергей жениться не собирался, поэтому просто развлекался, не гнушаясь даже принимать подарки от ошарашенных им дам. Но Сергей был разборчив. Он очень хорошо понимал женщин (собственно, это и был его главный дар), деля всех на «опасных», «тяжелых» и «легких», предпочитая, конечно же, «легких». Верочка была из разряда «тяжелых», что подтвердила и Ольга, как-то раз «всмотревшись» поглубже в трепетную Верочкину душу. Ни он сам, ни Ольга не могли толком объяснить, что их тревожит, но сознание того, что от Верочки лучше держаться подальше, было очень сильным.

Но Верочка так прочно вошла в их компанию, что Сергей оказался в положении почти безвыходном: как он ни пытался отгораживаться, отстраняться, держать дистанцию, результат был один – Верочкина привязанность только крепла, в полном соответствии с мудрым пушкинским замечанием: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». Но поскольку Сергей совсем не собирался губить Верочку «среди обольстительных сетей», он страшно обрадовался, когда в их кругу появился новый друг Никола – Николай Смирнов, однофамилец. Они как-то мгновенно сдружились – настоящая мужская дружба была для Сергея в новинку: до этого его единственным другом была сестра. В сестру-то и влюбился сначала Николай, впрочем, в Ольгу влюблялись все, а она кокетничала напропалую, одно за другим разбивая сердца поклонников. И никто даже не догадывался, что жизнь красавицы и кокетки Ольги совсем не так весела, как казалось.

За год до встречи с Николаем Ольга влюбилась, и это явилось настоящим потрясением для брата, который мгновенно ощутил себя одиноким и покинутым. И как ни объясняла ему сестра, что это совсем другое: «Ну как ты не понимаешь?!» – он действительно не понимал. Сергею было все равно, с кем спит его темпераментная сестричка, но как она могла довериться

кому-то еще, кроме него, своего близнеца, своего «второго я» – своего мужского воплощения?! Сам он еще не влюблялся ни в кого и не собирался – как будто это от него зависело. Сергей с ревнивым вниманием слушал излияния сестры, совсем не такие откровенные, как раньше, и пытался понять: что же нашла Ольга в своем избраннике? Он не видел в Илье Лисянском по прозвищу Черный Лис ничего выдающегося: начинающий актер, ничего особенного! Но не мог не признать, наблюдая Ольгу и Лиса вместе, что связывающее их чувство действительно очень сильное, они так и светились, так и сияли, не видя ничего вокруг себя. И понимали друг друга без слов, что уж вообще было прямым предательством со стороны сестры: это же их общее тайное умение!

Но кончилась великая любовь трагически: старшего брата Лиса посадили, семью выслали в Казахстан, а Илья отказался уезжать, как мог он бросить театральное училище, как мог отказаться от съемок! Пусть роль и крошечная, но у самого Юлия Райзмана! Тогда товарищи с Лубянки стали его обрабатывать по-своему. Обрабатывали не в полную силу – еще не разошлись, но Черному Лису хватило и этого. Илья, оттолкнув конвоира, бросился в пролет лестницы и разбился насмерть. Этаж был третий, а пол каменный.

У беременной Ольги на нервной почве случился выкидыш, и Сергей всерьез беспокоился за ее жизнь. Но сестра справилась. Справилась и решила жить в свое удовольствие. Театральное училище она бросила, собираясь найти достойного кандидата и выйти замуж назло всем. Себе самой в первую очередь. Но окружавшие ее мальчики, хотя и были вполне привлекательны, в мужа никак не годились. Ольга хотела жизни обеспеченной, так что выбирать приходилось среди мужчин постарше, среди которых свободных попадалось мало. Но Ольга не сдавалась, развлекаясь пока с теми, кто подворачивался под руку, и изо всех сил старалась избыть ту душевную муку и отчаяние, что сводили ее с ума. Лишь перед братом Ольге не надо было притворяться, он единственный знал все и помогал как мог, страдая от чувства вины за свою прежнюю ревность к несчастному Черному Лису.

Ольга не спала ночами и много плакала, старательно скрывая свои переживания от матери. Екатерине Леонтьевне и без того приходилось несладко: накануне ареста Черного Лиса разбился на мотоцикле Валентин Георгиевич. Мотоцикл был новой модели, им самим изобретенной. Екатерина Леонтьевна, пораженная неожиданностью этой случайной смерти (Валентину только-только исполнилось сорок два!), сильно сдала, и дети окружили ее нежной заботой. Отчима они не так сильно любили, хотя всю жизнь называли и считали отцом. Суровый, бескомпромиссный, очень честный и прямой человек, Валентин не терпел малейшей лжи и необязательности. Он пришел в революцию в надежде обрести высшую справедливость, но в последнее время его искренняя вера в торжество идей коммунизма слегка поколебалась под давлением реальности, так что, скорее всего, и его скосила бы та коса, что извела почти целиком все это поколение революционных мечтателей.

А Николай, без толку помаявшись некоторое время около Ольги, вдруг неожиданно для всех – и для себя самого в первую очередь! – обратил внимание на совершенно расцветшую к тому времени Верочку, такую кроткую и нежную по сравнению со своенравной и острой на язык Ольгой. Близнецы вздохнули с облегчением, и Ольга принялась решительно сводить Верочку с Николой. Но долго ничего не получалось, пока та же Ольга не догадалась, что Сергею надо уехать, чтобы освободить для Николы поле боя. И Сергей скрепя сердце укатил в Ленинград. Он был москвич до мозга костей, и хотя город на Неве ему понравился, чувствовал себя там чужаком и страшно скучал по своему любимому Сивцеву Вражку.

Отъезд соперника позволил Николаю все-таки завоевать Верочку, пусть не ее сердце, но хотя бы руку, на прелестный пальчик которой в один прекрасный день он надел обручальное кольцо. Сергей благоразумно на свадьбу друга не приехал. Через положенное время у однофамильца родилась дочка, и Сергей стал надеяться, что в скором времени сможет вернуться домой, но тут началась война, которая распорядилась по-своему, так что на Сивцев Вражек

Сергей попал только через два десятка лет. С Верочкой он увиделся гораздо раньше, проезжая через Москву на фронт из госпиталя, где приходил в себя после ранения. И сейчас он, морщась от стыда, вспоминал подробности той короткой, но такой судьбоносной встречи. Сергей еще не знал, насколько судьбоносной!

Все лето напролет Ольга «пасла» брата, заставляя его ходить по медицинским обследованиям. Он не особенно интересовался результатами: жив, и ладно. Но Ольга насела на врача и выудила все подробности, разве мог тот устоять перед ее напором! Расстроилась страшно и поняла наконец, почему брат не хочет ничего рассказывать, – теперь-то она хоть немного представляла, каково ему там пришлось. Сергей потерял палец на правой ноге – из-за обморожения; левая рука сломана дважды и срослась не слишком правильно; средний палец правой руки тоже был сломан, как и парочка ребер. А еще в наличии следы двух ножевых ран и двух огнестрельных: одна – от осколочного ранения, другая – от пули, которая прошла навылет.

«Но в целом, – сказал врач, – ваш брат удивительно хорошо сохранился. Я видел людей в таком состоянии, что просто страшно: пеллагра, язва, гангрена. А Сергей молодец, справился. Сказал, знает методики выживания. Что за методики?» Но Ольга только пожала плечами: «Даже не представляю!» Хотя прекрасно понимала, о чем идет речь: они с братом умели извлекать энергию жизни из любого подходящего источника. Прабабушкино наследство – в добавку к еще кое-каким необычным умениям и навыкам. Но распространяться об этом не следовало.

Ольга знала, что Сережа смог выжить, руководствуясь двумя правилами: не вспоминать и не надеяться. Он существовал словно в узком коридоре настоящего между двух каменных стен, отделявших его от прошлого и будущего. Тогда вся его жизнь сузилась до размеров секунды, минуты, часа... Сутки становились вечностью. Ольга так не умела: она всегда несла боль прошлого в своем сердце и не боялась заглядывать в будущее – правда, только в будущее посторонних людей. Своим она никогда не гадала.

А Сергей никак не мог прийти в себя. Прежняя душевная настройка уже не годилась, но за эти долгие годы он отвык принимать решения, полагаться на себя, строить планы. Пытаясь выжить, Сергей особенно не задумывался зачем. Просто выжить. И вот теперь это извечное «ЗАЧЕМ?» все время мерцало перед ним, словно желтый огонек светофора: уже не красный, но еще не зеленый. Куда идти дальше? Что делать с собственной жизнью? Сергей не понимал. Ольга суежилась, пытаясь привести его в чувство: лечила, одевала, кормила, искала ему работу. Сергей знал, что это неправильно: в конце концов, именно он – мужчина, глава семьи! Пенсия у матери мизерная, стипендия у Лизы небольшая – что скрывать, все они сидят на шее у Ольги, вернее, у ее мужа, который безропотно тянет этот воз. Сергею было все равно где работать – хоть дворником. Но раз Ольга считает, что надо найти приличное место, – ладно, пусть ищет. Пока что он сосредоточился на починке зубов, без которых, как считала все та же Ольга, приличное место ему не светит. Так что Сергей вел вполне беззаботную жизнь, осложняемую лишь визитами в зубо врачебные пыточные кабинеты. Он много читал, охотно позволял Ольге вытаскивать его в рестораны и театры, к ней в гости он ходил с меньшим удовольствием, настолько чужды ему были ее гости с их разговорами и устремлениями.

Муж Ольги Сергею понравился: действительно, хороший мужик. И правда, было в нем что-то от плюшевого медведя: коренастый, черноволосый и черноусый, с яркими карими глазами. Все делал как-то вкусно и уютно: звучно хохотал, артистично курил трубку, попыхивая ароматным дымком, залихватски пил водку из запотевших стопок, мгновенно краснея всем лицом, но, перебрав, делался мрачен и слезлив. И Ольгу он действительно любил. Сергей всегда невольно усмехался, вспоминая, как Тарасевич называет жену: «Не вредная для здоровья блондинка» и «Олища»! Любил, но и в посторонних удовольствиях себе явно не отказывался. Да и Ольга... С ее любовником он тоже познакомился: высокий красавец лет тридцати – художник, уже довольно известный. Написанный им портрет обнаженной Ольги висел в спальне.

Нет, Сергей этого категорически не понимал. Несмотря на бурно проведенную молодость – а может, именно поэтому: насмотрелся на женские измены! – он лелеял в душе совершенно другой образ счастливого семейного союза, чем-то похожий на родительский. Он не мог не видеть, что мама и отчим люди очень разные и по воспитанию, и по происхождению, но ни разу не возникало между ними никакого конфликта, никакой ссоры из-за разности вкусов и пристрастий: каждый старался уступать другому и обходить острые углы.

Мишук сначала все приставал к Сергею с расспросами, но тот если о чем и рассказывал, то только о войне, избегая вспоминать лагерную жизнь, и наконец прямо сказал об этом Тарасевичу:

– Не спрашивай. Все равно отвечать не стану.

– Ладно, только скажи – это было... очень страшно?

Сергей, усмехнувшись, ответил:

– Да. Все было: и страх, и боль, и отчаяние. А самое страшное, что через какое-то время этот ад начинает восприниматься как нечто естественное, понимаешь? И теми, кто внутри, и теми, кто снаружи. Сам начинаешь чувствовать себя расходным материалом. Но были люди... Единицы! Которые смогли сохранить душу в целости. Я не из их числа. Потому и выжил. И не приставай ко мне больше с этими разговорами, понял?

Мишук понял и не приставал.

Основным времяпрепровождением Сергея стали прогулки по Москве. Он часами, до изнеможения, бродил по паутине кривых улочек и переулков, вспоминая места своей юности и поражаясь произошедшим за двадцать лет переменам. С удовольствием катался на метро, разглядывая великолепное убранство станций – в его время всего-то и было, что три линии, а сейчас их уже пять, да еще Кольцевая! Сергей заходил в пельменные и бутербродные, опрокидывал стопочки в рюмочных и пил пиво из граненых высоких кружек, закусывая воблой. Слушал чужие разговоры, иногда сам вступал в беседу с каким-нибудь незнакомцем в кепке, но при этом чувствовал себя скорее зрителем, наблюдателем, а не участником, словно окружающие его люди были тенями ожившего кинематографа, который он тоже посещал, жадно вглядываясь в прошедшую мимо него жизнь. А может, он сам был тенью? Сергей заглядывал в книжные магазины, к букинистам и антикварам, забредал в Третьяковку или на Центральный рынок – в самые неожиданные места, просто куда ноги несут. Так долго он был лишен этого удовольствия, передвигаясь лишь по команде, что никак не мог надышаться воздухом свободы. Иногда он наткался на взгляд такого же, как он, бывшего зэка, они опознавали друг друга мгновенно. Опознавали, но тут же отворачивались и расходились в разные стороны.

Но убежать от прошлого ему никак не удавалось: оно упорно цепляло острыми коготками, пугало внезапным окриком прохожего, громким лаем собаки, резким выхлопом машины, так похожим на выстрел. Прошлое пролезало в сны: каждый день он просыпался часов в пять утра, мокрый от пота, с колотящимся сердцем – иногда память сохраняла остатки сна, чаще нет, но чувство ледящего ужаса возникало всегда. Страх скорой смерти накрывал его с головой, и нужно было не меньше получаса, чтобы окончательно прийти в себя. Сергей не мог понять, в чем дело: все врачи как один утверждали, что он здоров – насколько может быть здоров мужчина за сорок, прошедший войну и лагеря. Ничего смертельного в его организме не было найдено, но откуда тогда берется этот иррациональный страх?! Сергей очень определенно и ясно чувствовал, что носит в себе свою смерть, которая постепенно подрастает, делается сильнее, отбирает у него минуту за минутой, день за днем. Где она прячется?! Он пытался вглядеться в себя, определить источник страха, но результатом было только легкое головокружение и звон в ушах. Тогда Сергей обратился к сестре, но Ольга, гораздо более сильная, чем он, не стала даже пытаться:

– Нет, ни за что! Я не стану заглядывать в твое будущее. Ты же знаешь, я не могу этого делать для близких.

– Ну, хорошо, не надо в будущее. На меня посмотри. Что-то не так, а я не понимаю. Не вижу. Но чувствую.

Ольга долго вглядывалась в брата, но тоже не увидела ничего опасного.

– Может, это у тебя в голове? В мыслях? Просто ты никак не перестроишься, вот и все.

– Не знаю... Может, ты и права.

В конце концов, он махнул рукой на свои тревожные предчувствия, решив поверить сестре, и стал пить на ночь приготовленный ею отвар, от которого спокойно спал до утра. Ольга увлеклась травами, благо от прабабки остались кое-какие рецепты.

– Чем ты меня травишь? – спрашивал, посмеиваясь, Сергей, а Ольга серьезно отвечала:

– Настойка из крыльев жужелицы.

– Фу-у...

– Поверил! Не бойся, все съедобное – это отвар белых перегородок плода граната, шишек хмеля и валерианы. И немного мелиссы для аромата. Можешь ложку меда добавить, вкуснее будет.

Но Ольга все-таки раскинула карты на брата, и увиденное настолько ей не понравилось, что она даже выбросила эту несчастливую колоду, кое-как убедив себя в случайной ошибке расклада. Она еще раз поговорила с врачом, который тоже недоуменно пожал плечами: «Совершенно не из-за чего беспокоиться!» – и порекомендовал показать брата психиатру.

А в один прекрасный день у Сергея состоялась еще одна встреча с прошлым. Он зашел в «Академкнигу» и только протянул руку к заинтересовавшему его изданию, как голос сзади заставил его обернуться:

– Седой! Это ты?!

Это был Николай Смирнов, однофамилец и старый друг, о котором Сергей так часто думал в последнее время. Несколько мгновений они вглядывались друг в друга, узнавая и не узнавая: двадцать лет прошло с их последней встречи. Двадцать лет! Как показалось Сергею, Николай почти не постарел, только как-то усох и неравномерно поседел, страшный шрам на полголовы Сергей заметил сразу. А Николай смотрел на старого друга с некоторым даже ужасом: да, конечно, десять лет лагерей никого не красят, но чтобы так измениться! Ни следа былой самоуверенности, никакого блеска – лишь усталость и... смирение?

– Здравствуй, Николай.

Ну вот, разве так он приветствовал бы его в прежнее время? «Привет, Никола!», «Здравствуй, брат!» или «О, однофамилец!». А сейчас – так формально. Они не протянули друг другу руки, не обнялись – в первые секунды радость от встречи затмила все, но потом оба вспомнили, что стоит между ними, и помрачнели.

– Давно ты вернулся? – спросил Николай.

– Еще весной.

– Ну как, пришел в себя?

– Более-менее.

– Работу нашел?

– Пока нет. Ольга обещала помочь. Да я особенно и не рвался, сначала надо было подлечиться немного. Сейчас вот зубами занимаюсь. А ты все там же?

– Не совсем. Ты же знаешь, что ИФЛИ больше нет? Я в МГУ – на филфаке. Он еще в сорок первом году образован. Готовлю докторскую...

– О! Всегда знал, что ты достигнешь научных высот.

– Да какие там высоты, скажешь тоже!

Разговаривая, они вышли из магазина и теперь медленно брели по улице Горького, искоса поглядывая друг на друга. Ни один из них не осмеливался завести разговор на волнующую обоих тему. Вся ненависть Николая испарилась при одном взгляде на Сергея – это другой

человек, совсем не тот, кого он проклинал все эти годы! Они дошли до ворот университета, и Сергей остановился:

– Ну ладно, прощай. Рад был повидаться.

И Николай вдруг неожиданно для себя самого сказал:

– Послушай, а давай к нам! Есть место на кафедре.

– К вам?

– А что?

– Да я забыл все, какой от меня прок?

– Ничего, восстановишь пробелы. Латынь-то помнишь? Лучше тебя никто тексты не разбирает. А нам латинист нужен. Серафима Викентьевна на пенсию уходит. Помнишь ее?

– Она еще жива? Сколько ж ей лет?

– Много. Ну что, согласен? А потом спецкурс какой-нибудь возьмешь, лиха беда начало. Подумай.

– Спасибо... – растерянно произнес Сергей. – Спасибо! Не ожидал... Латынь я помню, конечно... «Quousque tandem abutēre, Catilina, patientia nostra?»¹ – это навсегда.

– Собери документы и приходи. Прямо в понедельник. Тебя ведь реабилитировали?

– Да, чист как стекло. Обещали даже награды вернуть.

– Чем награжден?

– «Красная Звезда», медали за Варшаву, Будапешт и за боевые заслуги. За Берлин не успел получить.

– Я тоже не успел, по госпиталям валялся. Ничего, все наладится. Dum vivimus vivamus!²

– Vivamus, верно... – улыбнулся Сергей. – Помнишь Катулла: «Vivamus mea Lesbia, atque amemus...»³

На мгновение в нем вдруг проглянул прежний Сергей, довоенный, и Николай не выдержал, шагнул к другу, схватил за лацканы пиджака и встряхнул:

– Как ты мог?! Зачем ты это сделал?! Ты же сам отдал ее мне, сам! Никогда ее не любил! Ты же специально тогда уехал, чтобы у нас все сладилось, думаешь, я не знал?! Как ты мог?!

Сергей не сопротивлялся, только печально смотрел в лицо Николаю. Тот наконец опустил руки, и тогда Сергей медленно произнес:

– Мне нет оправдания.

Еще задыхаясь, Николай спросил:

– Ты знаешь, что...

– Да, – перебил его Сергей. – Я знаю про ребенка. Ольга рассказала. Прости меня за все. Если сможешь.

– Даже не пытайся с ней увидеться, ты понял?

– Нет. Никогда. Обещаю.

Они еще постояли, мрачно глядя друг на друга, потом Николай повернулся и пошел в глубь университетского двора, Сергей потерянно смотрел ему вслед. Тот вдруг остановился и, не оборачиваясь, процедил сквозь зубы:

– В понедельник жду тебя с заявлением.

И они разошлись. Сергей направился к сестре, чтобы рассказать о неожиданной встрече, а Никола, которого давно уже величали полным именем – Николай Аристархович, – к себе на кафедру, где он рассеянно пообщался с коллегами, а потом и вовсе ушел в библиотеку, долго сидел над раскрытым томом, глядя в пространство невидящим взором. Он вспоминал прошлое...

¹ «До каких же пор, Катилина, ты будешь злоупотреблять нашим терпением?» – Цицерон, «Речи против Катилины», I, 1, 1.

² Пока живы, будем жить! (лат.)

³ «Пока живы, о Лесбия, будем любить!» – Гай Валерий Катулл.

Часть 2. Никто пути пройденного у нас не отберет

Николай с шестнадцати лет жил совершенно самостоятельно. Его родители умерли в один год: отец, служивший в составе 81-го кавалерийского полка, погиб во время операции, которая в документах значилась как «Ликвидация бандитизма в южном Туркестане», а на самом деле представляла собой афганский поход Красной армии, целью которого было поддержание свергнутого короля Амануллы-хана. В утешение вдове и сыну остался орден Красного Знамени, врученный посмертно. Спустя пару месяцев скончалась и Колина мама, попала под трамвай.

Неожиданная смерть матери произвела на Колю гораздо более тяжелое впечатление, чем гибель отца, которого он почти и не знал. Во время кратких визитов домой Аристарх с недоумением вглядывался во все подраставшего сына, не обнаруживая в нем особого сходства с собой, наспех ласкал отвыкшую от него жену и, опустошив пару бутылок водки под нехитрую закуску вроде вареной картошки и ржавой селетки или соленых сморщенных огурцов, снова исчезал в багряном дыму революционных битв. Пару дней после его отъезда в квартире витал суровый мужской запах табака, шинельного сукна, сапожной ваксы и металла, а в ушах Коли неотвязно звучала мрачно-торжественная мелодия «Варшавянки» – любимой отцовской песни, которую пел он еще на баррикадах 1905 года:

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут...

Мать Коля обожал. Как не хватало ему потом ее ласкового взгляда, нежной улыбки, теплых рук! С каким щемящим чувством вспоминал он тихие вечера, когда мама шила, а он читал ей вслух книгу за книгой. Мама была портниха, и после ее смерти еще долго приходили заказчицы: кто-то забирал свой отрез и недошитое платье, а кто-то, взглянув на осиротевшего Колю, оставлял ему тяжелые куски сукна или невесомые – крепдешина: «Продашь на барахолке». Жить-то на что-то надо мальчику. Коля, конечно, получал небольшую пенсию за отца и с голоду бы не помер, тем более что соседи рьяно взялись его опекать.

Квартира была трехкомнатная: в самой маленькой комнатухе жили Смирновы, когда приезжал отец, Коля уходил спать в коридор – на неизвестно чей большой сундук, который с незапамятных времен стоял тут и, казалось, пустил уже корни. Другую комнату занимала престарелая Аглая Федоровна, за которой ухаживала дом-работница Аночка – деревенская девочка-подросток, маленькая, бойкая и жгуче-черноглазая. В третьей комнате жило многочисленное семейство Цвибелей: Ривка, ее мать Сара и целая куча цвибелят, которые вечно орали и путались под ногами. Глава семейства – Давид Цвибель – подобно Аристарху Смирнову тоже редко появлялся дома. Он был партийцем, которого бесконечно бросали с одного объекта на другой для налаживания, сглаживания или, наоборот, углубления и ужесточения очередных указаний партии и правительства. Довольно скоро Аглая Федоровна скончалась, и Цвибели решительно распространились на ее жилплощадь, а Аночка так и осталась всеобщей домработницей и нянькой.

Оказавшись один, Николай было затосковал, но потом справился и решил, что ни за что не пропадет: успешно окончит школу и обязательно поступит в институт. Он был мальчик насквозь литературный, сказались вечера, проведенные за чтением вслух. Да и Аглая Федоровна, бывшая учительница гимназии, сильно повлияла на Колины пристрастия – постепенно вся ее обширная библиотека перекочевала к нему в комнатуху. Так что Коле Смирнову после

окончания школы был прямой путь в Большой Трубецкой переулок – в только что открывшийся Институт философии, литературы и истории (ИФЛИ).

В характере Николая причудливо сочетались материнская романтическая сентиментальность с отцовской суровой жесткостью: застенчивый, сдержанный, но весьма упорный и настойчивый, он со страстью вгрызался в гранит науки, хотя остро ощущал собственную недостаточную подготовленность по многим вопросам. Например, древние языки. Латынь давалась ему с большим трудом, и помощь нового друга Сережи оказалась весьма кстати. Их страшно веселило совпадение фамилий, и не сразу Николай осознал, что однофамилец именно он. Прозвище скоро прилипло к нему намертво: Смирнов-Седой и Смирнов-Однофамилец – так различали их друзья, и ничего поделать с этим было невозможно. Конечно, главным Смирновым был именно Сережа – яркий, блестящий, самоуверенный и весьма привлекательный для женского пола.

Коля в отличие от друга женщин робел. Особенно тушевался он перед Сережиной сестрой, чрезвычайно поразившей Колю и своим невероятным сходством с братом, и столь же невероятной женственностью. Ольга дразнила Николу, то приближая, то отдаляя, но не принимала всерьез. А в один прекрасный день произошло нечто, уже совершенно оттолкнувшее Николу от Ольги. Праздновали день рождения Екатерины Леонтьевны. Николай пришел на Сивцев Вражек раньше времени: Сережи еще не было, Екатерина Леонтьевна с Верочкой возились на кухне. Никола посидел в уголке, отогреваясь, курточка у него была хлипкая, ботинки еще хуже, а мороз завернул нешуточный для начала декабря. Оттаяв, он решил заглянуть к Ольге: подошел к ее двери, прислушался, потом приоткрыл дверь и изумился. Ольга лежала ничком на диване и плакала, уткнувшись в подушку. Зрелище рыдающей Ольги, обычно уравновешенной и насмешливо-спокойной, удивило Николая настолько, что он шагнул в комнату и застыл, глядя на ее вздрагивающие плечи.

– Что смотришь? – вдруг спросила, не оборачиваясь, Ольга, и Никола попятился. Она села и зло посмотрела на него, шмыгая носом и смагивая слезы. – Платок у тебя есть?

Он поспешно подал Ольге носовой платок, к счастью, совершенно чистый, хотя и помятый. Ольга расправила клетчатую тряпицу, вытерла глаза и нос, потом снова взглянула на Николая:

– Ну что стоишь? Утешить хочешь?

Никола растерянно топтался на месте, не решаясь уйти, тогда Ольга встала и, усмехнувшись, сбросила с себя халат. Никола в панике зажмурился, успев увидеть и высокую грудь, и белый живот, и... Теплые мягкие руки обняли его за шею, и горячий шепот обжег ухо:

– Что ж ты глаза-то закрыл? Или не понравилась?

Николай хотел было оттолкнуть Ольгу, но как-то неловко двинул рукой, мгновенно ощутив под ладонью мягкую и упругую округлость груди с торчащим соском. Ольга хмыкнула и вдруг поцеловала его, прильнув всем телом, он словно провалился в жаркую бездну, в непроглядной темноте которой вспыхивали ослепительные всполохи. Ольгина рука тем временем распустила ремень на его брюках и проникла дальше. Николай вздрогнул и рванулся от нее, совершенно потрясенный. Он дрожал, застегивая брюки, пальцы никак не могли справиться с непослушными пуговицами и пряжкой ремня, а Ольга, посмеиваясь, рассматривала его, потом протянула:

– Во-он оно что! Да ты ж еще ма-альчик! Хочешь, научу?

Весь красный Николай выскочил из комнаты, забежал в ванную, закрыл дверь на крючок и привалился к стене. Отдышавшись, он умылся и рискнул посмотреть на себя в зеркало: перекошенная физиономия с испуганными глазами. Вот черт! Надо бежать отсюда! Чувство стыда было таким сильным, что он чуть не плакал. Но убежать не удалось: в коридоре Николай столкнулся с только что пришедшим Сергеем, тут же появилась из кухни Екатерина Леонтьевна, еще кто-то выглянул, прошелестела мимо Верочка со стопкой тарелок.

– Пошли-пошли! – сказал Сергей и потянул Николая за рукав. – Сейчас садимся.

Николай покорно двинулся к столу, но Сергей вдруг развернул его и заглянул в глаза:

– Эй, ты что? А-а... Послушай, не обращай внимания. Она просто развлекается. Забудь! – быстро проговорил он и потрепал друга по плечу. – Брось, не переживай. Ну что делать – она такая.

«Как он узнал?!» – в смятении думал Николай. Он с трепетом ждал появления Ольги, она наконец вошла: спокойная, отрешенная, бледная и прекрасная. На Николая даже не взглянула, и он было успокоился, но потом нечаянно заметил, как брат и сестра переглянулись, усмехнувшись, и Сергей погрозил сестре пальцем. Николая снова обдало волной мучительного стыда, но тут кто-то навалился на него сзади – это была Верочка, которая протискивалась за спинами сидящих в самый конец стола, держа над головой маленькую табуреточку. Протиснулась и усеялась, улыбнувшись Николаю:

– Здравствуйте!

Он рассеянно кивнул, потом опомнился:

– Здравствуйте, Верочка. Да вам же неудобно на таком насесте. Давайте поменяемся.

– Ничего-ничего, я привыкла!

Но Николай настоял, и они пересели. В этот день он словно впервые заметил Верочку, хотя видел и раньше. Она была тихая, кроткая и... очень красивая, как с удивлением осознал Николай. Не такая яркая, как Ольга, – скромный полевой цветок, прелестный и свежий: нежная кожа с розовеющим румянцем, широко распахнутые серые глаза с длинными тонкими ресницами, изящные брови, нежный рот, пепельные косы, завязанные бараночками... Сейчас, правда, никаких кос не было – волосы до плеч, которые поддерживала бархатная синяя ленточка с бантиком на боку.

– Вы подстриглись! – воскликнул Николай.

– Ой, вы заметили?! Так легко стало! А то замучилась с этими косами!

– А мне нравилось... Но вам и так идет.

– Правда?! А я давно решила: как школу окончу, сразу подстригусь. Но не решилась совсем коротко. Буду постепенно.

– О, вы уже не школьница? Поздравляю! Чем занимаетесь?

– Учусь! На курсах стенографии и машинописи!

– Что ж не в институте?

– Я неспособная совсем, – вздохнула Верочка. – Да и жить на что-то надо. А тут верный кусок хлеба. Я на портниху сначала хотела, но не получилось. Руки-крюки у меня!

– А по-моему, очень даже красивые руки...

Верочка радостно вспыхнула:

– Ой, правда?

Она была такая непосредственная и простодушная, что Николай невольно почувствовал себя умудренным жизнью старцем. Почему он раньше не обращал на нее никакого внимания? Николай покосился на Верочку, она подняла руки вверх, поправляя сползающую с волос бархотку, и на мгновение ткань платья четко обрисовала ее юную грудь. Николай поспешно отвернулся, вспомнив недавнее падение в бездну, и снова покраснел. Неожиданное объятие Ольги словно разбудило в нем дремавшее до сего времени мужское начало. Конечно, на девушек он заглядывался уже давно, и организм довольно часто требовал своего, но юному Николе пока еще ни разу не удавалось совместить у себя в голове образ какой-нибудь реальной красавицы с ночными грезами – то весьма возвышенными, даже, можно сказать, рыцарскими, то очень даже приземленными и мучительно-сладостными. И вот теперь Верочка каким-то волшебным образом соединила в себе и Прекрасную даму его полуночных мечтаний, и предмет страстного вожделения: ее кроткий взгляд, тонкая шея с завитками пепельных волос, нежный румянец, невинный взгляд и высокая грудь пробуждали в Николае такую страсть, что он сам себе удив-

лялся. А еще больше подогревало его то, что Верочка явно и недвусмысленно была влюблена в Сережу! Отбить девушку у друга, известного своими победами на женском фронте, представлялось ему почти подвигом. Но Никола не замечал, что друг вовсе Верочкой не увлечен, и даже наоборот – весьма тяготеет к ее пристальному вниманию. Никола принялся ухаживать за Верочкой, приглашая то в кино, то просто погулять. Она охотно выходила с ним, брала под руку и даже порой сама целовала в щеку, но столь невинно, что Николай огорчился. Никогда не смотрела на него Верочка с таким жадным нетерпением, как на обожаемого Сережу, никогда не дрожал ее голос, произнося имя Николы, и никакого трепета не вызывали его случайные – и не случайные! – прикосновения.

А потом вдруг поле боя за Прекрасную даму неожиданно расчистилось – хотя на самом деле биться Николаю приходилось лишь с самой Верочкой. Случилось это в один прекрасный летний день, когда вся компания закатилась в Горенки – покататься, поиграть в волейбол, выпить и закусить на природе. Расположились на полянке, раскинули скатерку с нехитрыми припасами, кто-то из парней перекидывался в мяч, кто-то уже припал к пивку, а кто-то и нырял с крутого бережка. Часть девушек удалилась в кусты, откуда тут же понеслись радостные визги, хохот и плеск воды, потом одна из девушек отделилась и поплыла к другому берегу. Это была Ольга. Она доплыла, вылезла и выпрямилась, помахав рукой.

– Вот чертовка! – усмехнувшись, произнес Сергей, а один из парней присвистнул: Ольга была голая. Она стояла, раскинув руки, словно античная Венера в зарослях ивняка. Николай посмотрел и отвернулся, ища глазами Веру. Она сидела, опустив голову, и жевала травинку. Щеки ее горели. Вдруг поднялся один из парней, который весь день вертелся около Ольги, поднялся, побежал к берегу и, с разбегу прыгнув в воду, поплыл размашистыми саженками. Все смотрели, что будет. Он почти доплыл, когда Ольга, с силой оттолкнувшись, тоже прыгнула и нырнула, глубоко уйдя в воду. Парень завертелся в воде, оглядываясь, а Ольга вынырнула далеко позади него и быстро поплыла к своему берегу. Через некоторое время она вышла из кустов как ни в чем ни бывало, уже в сарафане. Встряхнула мокрой головой и села рядом с братом, который отвесил ей шуточный подзатыльник:

– Идиотка!

Ольга чмокнула его в щеку и взяла вареное яйцо. Ловко очистила, ткнула в насыпанную на газетном клочке соль и откусила сразу половину. Доела яйцо, отобрала у брата бутылку пива и отпила прямо из горлышка. Потом вздохнула и сказала:

– Ну что, дети мои! А я ведь замуж выхожу.

– Как замуж? За кого? – загомонили все, а Ольга, усмехнувшись, ответила:

– За Короткевича.

Тут даже брат поднял брови:

– Оль, ты серьезно?

– А что? Чем он плох? Такой пузанчик!

Короткевич работал на «Москинокомбинате», только что переименованном в «Мосфильм», и был директором картины, где Ольге удалось сыграть небольшую проходную роль, так они и познакомились. Короткевич был немолод, полноват и лысоват, но зато хорошо обеспечен и разведен, к тому же не планировал обзаводиться потомством: он и так платил алименты за двоих детей от двух предыдущих браков.

– Может, еще в кино меня пристроит! – сказала Ольга, лениво потянувшись всем телом, а вылезший из воды незадачливый кавалер горько вздохнул, глядя на ее грудь, сдобно выпирающую из выреза сарафана.

– Да ладно, не расстраивайтесь вы так! Я ж не завтра выхожу... – рассмеялась Ольга и потянулась за огурцом.

– Раз пошла такая пьянка, – сказал Сергей, – я тоже признаюсь! Уезжаю я, братцы. В город Ленинград. Мне там работу предложили – в Пушкинском доме. Никола, помнишь, я рассказывал?

– Да что ты! – воскликнул Николай. – Это ты с коллекцией Онегина будешь работать? Вот повезло!⁴

– А когда? Когда ты уезжаешь?! – робко спросила Верочка, покраснев.

– Скоро, – ответил Сергей, не взглянув на нее. – Вот сестру замуж выдам, и поминай как звали! Когда вы с Короткевичем планируете расписаться?

– Он как раз договаривается. Недели через две, наверное.

Никола покосился на Верочку, она чуть не плакала. И тут только он осознал, что означает отъезд Сергея! Он взглянул на друга: тот, улыбаясь, смотрел на них с Верочкой и красноречиво развел руками, мол, я сделал все, что мог, теперь действуй. И Никола начал действовать. В конце концов, Верочка согласилась, но неизвестно, одержал бы Николай победу без помощи Екатерины Леонтьевны и Ольги – обе, каждая по своему, приложили руку к тому, чтобы крепость сдалась. Екатерина Леонтьевна при каждом удобном случае заводила разговор о достоинствах Николая как возможного мужа и о том, что Верочке хочешь не хочешь, а надо подумать о собственном будущем.

Верочка прекрасно знала, что существует в этом мире на птичьих правах: мать умерла, вместо имени отца в метрике прочерк, жилья своего нет и не предвидится – у нее, конечно, был угол в теткиной квартире, но именно что угол. В доме Смирновых ей, конечно, всегда рады, но сколько можно греться у чужого огня? Никола недавно сводил Верочку в оперетту, и она теперь все время невольно мурлыкала арию мистера Икс: «И где же сердце, что полюбит меня?» А сердце-то было рядом! Решительный, хотя и жестокий удар нанесла Ольга, которой надоела эта волюнка.

– Верочка, – сказала она, строго глядя на сразу взволновавшуюся девушку. – Ты же понимаешь, что тебе нужно перестать думать о Сереже?

– А он что, он больше не вернется в Москву? Никогда?

– Даже если он вернется, то не к тебе, понимаешь? Вера, ты ему не нравишься.

– Совсем? – жалобно спросила бедная Верочка, и Ольга почувствовала себя каким-то инквизитором, убийцей младенцев.

– Совсем не нравишься, – тем не менее продолжила она и добавила: – И вообще, чтоб ты знала. Сережа уехал в Ленинград за своей любовницей.

Это было лишь наполовину правдой: действительно, любовница переехала в Ленинград вместе с мужем как раз в то же время, что и Сергей, но у него уже была там совсем другая женщина.

Верочка проплакала три дня, а потом... согласилась на предложение Николы. Мгновенно ее жизнь круто переменялась: она вдруг – впервые в жизни! – оказалась в центре любовного внимания окружающих. Все ее поздравляли, хвалили, желали счастья, радовались и одаряли подарками, начиная со счастливого жениха, надевшего ей на шею цепочку с серебряным медальоном своей матери, и заканчивая теткой, которая, всхлипнув, сунула племяннице туго свернутый и перетянутый резинкой рулончик денег, заныканных от мужа, и коралловые бусы Верочкиной родительницы, похожие на низку рябиновых ягод:

– На-ка вот! Ох, счастье какое привалило тебе, Верка! Смотри, не профукай, как мамка.

Верочка хотела было спросить, каким образом ее мамка профукала свое счастье, но не решилась: она так ничего и не знала ни про своего отца, ни про мать, «шалаву» и «прошмандовку». Бусы были красивые, но денег оказалось не так уж и много, а ведь Верочке нужно было

⁴ Коллекция известного пушкиниста Александра Федоровича Онегина-Отто была в 1928 году передана в Пушкинский дом.

приданое. Екатерина Леонтьевна и Ольга засуетились: перетряхнули сундуки, шкафы и антресоли и принялись шить, перешивать и перекраивать. Кое-что пришлось подкупить, так что Верочке некогда было и опомниться: походы по магазинам, примерки, шитье, а работу тоже никто не отменял! В промежутках Верочка бегала на свидания с Николой, на которых они не столько обсуждали будущую семейную жизнь, сколько целовались – на большее Никола пока не осмеливался. Верочку немного пугала настойчивость жениха, но она смирялась: наверное, так надо? Она не испытывала никаких особенных чувств – не то что после единственного вполне братского Сережиного поцелуя при прощании, он едва коснулся губами ее розовой щеки, а Верочка чуть не потеряла сознание. Но чем ближе придвигался день свадьбы, тем чаще на Верочку нападали приступы паники. Она чувствовала себя как пойманная в клетку птица – и дверца вроде бы приоткрыта, а лететь некуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.